

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-2-42-55

## ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Н. С. ЛЕСКОВА

**Маркелова Т. В.\***, **Петрушина М. В.**

*Институт современного искусства, г. Москва, Российская Федерация*

*\*Корреспондирующий автор, e-mail: tvmarkelova@mail.ru*

*Поступила в редакцию 02.02.2026*

*Принята к публикации 11.02.2026*

### **Аннотация**

**Цель.** Рассмотрена проблема лингвокультурологического подхода к творчеству Н. С. Лескова как писателя «непостыдной совести». Проведён анализ уникальных «лесковских героев» с позиций архетипа, стереотипа и символа в контексте лингвоаксиологического направления науки.

**Процедура и методы.** В статье были использованы методы лингвокультурологического анализа, компонентного семантического анализа, лингвокогнитивного анализа, лингвостилистического анализа речевого полотна прозаического текста, прагматилистический анализ слова-знака, интерпретационный анализ.

**Результаты.** Мировосприятие творческой личности писателя определяется сквозь призму системы её ценностей, отражаемой аксиологемами – концептами в формате лингвокультуры, которая в пространстве художественного мира Лескова выстраивает парадоксальную картину личности персонажа (*Овцебык (Василий Богословский)* и *Однодума (Александр Рыжов)*). Парадигма аксиологических знаков – прагмем и коннотаций, объединённая объектом оценки – персонажем рассказа, сопровождается форматом оценивания – атрибутивно-предикативными характеристиками. Исходя из позиции Лескова, что «человек живёт словами», в статье словесным средством становится «голос» – персонажа, рассказчика, членов общества. Полифония этих «голосов» отражает культурную «многоголосицу» и выстраивает тем самым аксиологический «каркас» «лесковского героя», несущего в себе загадку «положительного» героя при запечатлённых автором отрицательных поступках. Эта загадка решается уникальным лингвокультурным портретом героев, в котором отражены духовные искания этноса в его архетипической, символической и стереотипной природе. Искатель «упорный» и «упрямый», ищущий «путь-дорогу», страдающий от «веры» и «неверия», необычный в философии своего имени (*Овцебык* и *Однодум*), позволяет увидеть весьма оригинальный путь «ненависти» к богатым и неумелой агитации бедных. Наполненные многослойным смыслом аксиологические культуры (*блажной, чудака* и др.) не только позволяют познать оригинальность и странность личности «бедоносца» и «обнищеванца» (используем эти прецеденты для характеристики), но и увидеть языковую картину мира персонажа, в которой и революционный путь, и сама революция «считываются» в семантической структуре слов в пространстве языкового гения русского писателя.

**Теоретическая и/или практическая значимость.** Опираясь на теорию лингвокультуры и её единицу – лингвокультуру – в аксиологическом контексте, компонентный семантический анализ слов – «голосов» персонажей в их полифонической данности, на современный лингвостилистический подход к тексту, обнаруживаем специфику языковых картин личности, определяющих её архетип, стереотип и символ, специфику её выразительного языка как культурного кода нации и её великого писателя – «кудесника» языка. Предпринята попытка лингвокультурологического современного прочтения художественного мира Н. С. Лескова.

**Ключевые слова:** аксиология, лингвокультурема, прагмема, семема, сема, эмоция

**Для цитирования:**

Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Лингвокультурное пространство художественного мира Н. С. Лескова // Отечественная филология. 2026. № 2. С. 42–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-2-42-55>.

Original research article

## THE LINGUO-CULTURAL SPACE OF N. S. LESKOV ARTISTIC WORLD

**T. Markelova\*, M. Petrushina**

*Institute of Modern Art, Moscow, Russian Federation*

*\*Corresponding author, e-mail: tvmarkelova@mail.ru*

*Received by the editorial office 02.02.2026*

*Accepted for publication 11.02.2026*

### **Abstract**

**Aim.** To consider the problem of the linguacultural approach to the work of N. S. Leskov as a writer of “blameless conscience.” An analysis of Leskov’s unique “characters” is conducted in terms of archetype, stereotype, and symbol within the context of the linguo-axiological field of scholarship.

**Methodology.** The article utilized methods of linguacultural analysis, componential semantic analysis, linguo-cognitive analysis, linguo-stylistic analysis of the speech canvas of a prose text, pragma-stylistic analysis of the word-sign, and interpretive analysis.

**Results.** The writer’s creative worldview is defined through the prism of their value system, reflected by axiologemes which are concepts of a linguo-cultureme. This linguo-cultureme constructs a paradoxical picture of the character’s personality within the space of Leskov’s fictional world (*Musk Ox* (Vasily Bogoslovsky) and *Odnodum* (Alexander Ryzhov)). The paradigm of axiological signs, that are pragmemes and connotations, is unified by the object of evaluation, that is the story’s character, and is accompanied by an evaluation format that is embodied by attributive-predicative characteristics. Based on Leskov’s position that “man lives by words,” the article’s verbal means is the “voice” of the character, the narrator, and members of society. The polyphony of these “voices” reflects cultural “polyphony” and thus constructs the axiological “framework” of the “Leskov hero,” who bears the enigma of a “positive” character despite the negative actions depicted by the author. This enigma is resolved by a unique linguacultural portrait of the characters, reflecting the spiritual quest of an ethnic group in its archetypal, symbolic, and stereotypical nature. The meaning of “persistent” and “obstinate” seeker, searching for a “path,” suffering from “faith” and “unbelief,” is unusual for the chosen names (*Musk Ox* and *Odnodum*), and this makes it possible to see a very unordinary path of “hatred” toward the rich and the inept agitation of the poor. Filled with multilayered meaning, axiological culturemes (like *blazhnoi* (‘fool’), *chudak* (‘eccentric’), etc.) not only allow us to appreciate the originality and strangeness of the “bedonosetc” (‘poor bearer’) and “obnishevanetc” (‘impoverished’) (we use these precedents for characterization) but also to see the character’s linguistic worldview, in which both the revolutionary path and the revolution itself are “read” in the semantic structure of words within the linguistic genius of the Russian writer.

**Research implications.** The specificity of linguistic images of personality that define its archetype, stereotype, and symbol, as well as its expressive language as the cultural code of the nation and its great writer as a “magician” of language was described through the drawing on the theory of linguo-culture and its unit, that is linguo-cultureme, in an axiological context, and a componential semantic analysis of words, more precisely the “voices” of characters in their polyphonic reality, and a modern linguo-stylistic approach to text. An attempt is made to provide a contemporary linguo-cultural interpretation of N. S. Leskov’s artistic world.

**Keywords:** axiology, linguacultureme, pragmememe, sememe, seme, emotion

**For citation:**

Markelova, T. V. & Petrushina, M. V. (2026). The Linguo-Cultural Space of N. S. Leskov Artistic World. In: *Russian Studies in Philology*, 2, 42–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-2-42-55>.

**Введение**

Современный уровень развития лингвистической науки и лингвистической поэтики, особенно в русистике, требует новых подходов к пониманию художественного мира писателя и его влияния на современного читателя. «Тёмные пятна» биографии (несправедливое клеймо реакционера) и культурной характеристики «первостепенного» писателя – «рисовальщика», состоявшего в «человеческом родстве со всем миром» (Н. С. Лесков), не уменьшают ныне значимости писателя такого уровня и такого богатого объёма разножанровых, разностилевых, разноплановых текстов и воплощённых смыслов, художника-скульптора русского характера во всём обилии его парадоксальности, противоречивости и разнообразия свойств: он вызывает серьёзный научный интерес.

В этом контексте актуальный в лингвистике подход лингвокультуроведения оценивает языковые и коммуникативные единицы с национально-культурным компонентом в виде лингвокультуры – это «комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет)».<sup>1</sup> Предложенный В. В. Воробьевым в 1996 г. [1, с. 56], этот термин объединяет грамматику – форму мысли – и её культурное содержание, актуализированное в сознании говорящих, поэтому часто «работает» в соотношении с концептом, константой, логоэпистемой<sup>2</sup>.

Опора исследования на это понятие позволяет увидеть и описать картину мира ху-

дожника слова, вооружённого «не книжным, а подлинным знанием народной жизни». Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется «душою народа»<sup>3</sup> в контексте специфики национального сознания, что даёт возможность осветить проблемы:

- «писателя будущего» (Л. Толстой)<sup>4</sup>;
- «самобытнейшего писателя русского» (М. Горький)<sup>5</sup>;

- писателя противоречивых и конфликтных интересов – к народной жизни и православию, критике литературной среды, т. е. писателя с «феноменом разноверия»;

- автора-создателя «лесковского героя» – «странного» и «несгибаемого» в своём упорном поиске «лучшего» на выбранном жизненном пути;

- писателя-«хирурга» русского национального сознания в контексте корреляции «мысль – язык» – самобытный, «пересыщенный русской солью, отягощённый курьёзами, облик которых подавляет» [2, с. 332];

- писателя, недооценённого в отечественном лингвистическом пространстве (несмотря на знаковые исследования проф. В. В. Леденёвой [3] и др.);

- писателя архисовременного с позиции актуальных проблем русского национального сознания – поиска идентичности, самоидентичности и линий взаимодействия с полиэтнической средой.

Объединение языковой формы и культурного содержания (в виде понятий и реалий) реализует *архетипы сознания* не

<sup>3</sup> Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. М.: Гослитиздат, 1953. С. 228.

<sup>4</sup> Записи Фаресова, посетившего Толстого в начале 1898 года в Москве, сохранили отзывы писателя о Лескове: «Лесков – писатель будущего, и его жизнь в литературе глубоко поучительна» (цит. по: Фаресов А. Умственные переломы в деятельности Н. С. Лескова // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 786).

<sup>5</sup> Горький М. Н. С. Лесков: Статья. Впервые напечатана в виде вступительной статьи к изданию: Н. С. Лесков. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Издание 3. Гржебина, 1923. С. 5–38.

<sup>1</sup> Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2021. С. 127.

<sup>2</sup> Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. С. 42, 84.

только «лесковского героя» – персонажа, но и самого автора – Николая Семёновича Лескова. Аксиологические маркёры этого сознания коррелируют с *лингвокультуремой*, отражающей не только материально-фактологическую культуру этноса в лесковизмах (в широком смысле слова), но и культуру ценностных ориентиров – в *знаках оценки*, справедливо называемых некоторыми авторами *аксиологической лингвокультуремой* [4].

В статье исследуются два фрагмента художественного пространства Лескова, отражающего *оценочную картину мира русского этноса и национально-культурную маркированность его ценностных ориентиров*, запечатлённую в лингвокультуремах, – ранний рассказ «Овцебык» (1862), написанный в Париже и напечатанный в 1863 г. в журнале «Отечественные записки», и рассказ «Одному» (1879) – первый в цикле «Праведники». Наименее «раскрученные», но особенно значимые для культурного пространства того времени оригинальные герои, недооценены ни современниками Лескова, ни нашим временем.

Лингвокультурный анализ художественного мира писателя сквозь призму его героев – *Овцебыка (Василий Богословский)* и *Однума (Александр Рыжов)* позволяет проникнуть в лексико-семантическую (прагматическую и коннотативную) и культурную канву текстов рассказов с целью описания:

1) языковой картины мира Лескова как символа русской культуры и отражения его духовных исканий: противопоставление веры – неверия, добра – зла, белого – чёрного, правды – лжи и других концептов (ключевых слов русской жизни);

2) аксиологического «каркаса» «лесковского героя», построенного на полифонии голосов ценителей, реализующих в именах атрибутов-прагмем систему ценностей персонажа как отражение ценностей нации в *архетипах, стереотипах* (имена героев), *символах* (путь – дорога), *мифологемах* (библейские герои) и др.;

3) специфики «положительности» «лесковского героя»: *поиск идеала персона-*

*жем* в «точке пересечения» смыслов: *русское упрямство – упорство* в следовании по дороге *истины* через разные «символы веры»: Овцебык – философия свободы, *поиск лучшего, истины* и влияния на других людей (Платон и Библия); Одному – герой, *постигший истину* и не отступающий от неё (идеал Христа). Исходя из современного понятия гипертекста, эти герои глобального слома русской цивилизации, отстоящие друг от друга на три десятилетия, представляются: один – «бедоносцем», покончившим с собой в «душном уголке» (Овцебык – Богословский), другой – «обнищеванцем» – нищим праведником-чудаком с орденом, который «не на что было прикрепить» (Одному – Рыжов);

4) уникальности «лесковского героя», объединяемого в вербальной трактовке сути характера архисемой «несгибаемости» идеи и «силой» её реализации, но разъединённого способом реализации – бессилием трагического конца, которое остро чувствовал писатель, который «пронзил собой всю Русь».<sup>1</sup>

Теоретическую основу исследования составили труды по исследованию лингвокультурологии (В. В. Воробьёв [1], В. А. Маслова [5] и др.); категории оценки в функционально-семантическом поле (Е. М. Вольф [6], В. И. Карасик [7], Т. В. Маркелова [8] и др.); по изучению прозы Н. С. Лескова (В. В. Леденёва [9], Л. М. Крупчанов [10], А. А. Горелов [11], Б. М. Эйхенбаум [12] и др.).

### **Аксиологические лингвокультуремы как знаки художественного пространства Лескова**

Аксиологические маркёры лесковских персонажей несут в себе *культурный отпечаток эпохи*, вкладываемый писателем в уста ценителей и критиков, многочисленных персонажей рассказов, которых условно можно объединить в палитру типов носителей оценки и участников в

<sup>1</sup> Слова горьковского героя из «Жизни Клима Самгина» (цит. по: Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. М.: Гослитиздат, 1953. С. 184).

«жизни» персонажа: *рассказчик* (ведущий повествование и наиболее нейтральный участник процесса), *работодатель*, *сотрудники* (члены сообщества, участники общения), т. е. все субъекты, соприкасающиеся с главным героем в роли зевак, товарищей, соседей, транслирующих частное или общественное отношение к герою, сам персонаж (герой рассказа). Отметим и наличие самооценок, которые герой реализует в процессе общения.

Опираясь на достаточно изученную и описанную сказовую манеру, фольклорные традиции, словарь Лескова<sup>1</sup> как писателя самобытного языка, предпримем попытку языкового анализа *лингвокультурем* как знаков аксиологического каркаса (модели) героев двух произведений Лескова, знаковых и трагических, но одновременно положительных в своём поиске истины и упорстве в достижении цели.

### Полифония оценок в рассказе «Овцебык» (лингвокультурный анализ)

Методы лингвокультурологии позволяют при исследовании поэтики оценочных значений выделять *лингвокультуремы*, реализующие *аксиологическую картину мира* писателя как представителя конкретного этноса. Составляющими этой картины являются *аксиологические модели* (синоним – каркас) героев писателя, позволяющие на основе семантического анализа языковой формы лингвокультуремы определять маркированность ценностных ориентиров героя, демонстрируемую полифонией голосов ценителей и самого героя – *объекта оценочного суждения*.

Выделение с помощью аксиологической модели *архетипа образа героя, его стереотипа и символа* в их взаимодействии с картиной художественного мира писателя зиждется на *парадигме оценочных средств* в контексте их культурного содержания (и места в классической триаде оце-

ночных знаков – знака-функции, знака-прагмемы, знака-коннотации). Принимая подход к лингвистическому анализу поэтики языка писателя с позиций номинации и предикации [13, с. 10–21; 53–56, 96–100; 110–135], учитываем грамматическую форму *лингвокультуремы* как предиката или атрибута и их несомненную роль в построении аксиологической модели.

### Парадигма оценочных знаков как «голос» рассказчика

В рассказе о бывшем семинаристе Василии Богословском, человеке с эксцентрической внешностью и поведением, оценочная парадигма рассказчика представлена «сильными» и «средними» прагмемами как знаками оценки, реализующими её «двойную функцию» со значением «свёрнутого» оценочного суждения, «отличающимися способностью строить аксиологическую модель, отношением к внешнему и внутреннему миру...» [14, с. 584]: *не атлет, не богатырь, но ...сильный и здоровый; кафрский череп* («странная уродливость») (с. 31)<sup>2</sup>; *плохо скроен да крепко шит; в глазах здоровый ум, воля и решительность; характер ... имел много оригинального; евангельская беззаботливость о себе; самоотвержение для «знаемых»; жертвенность* (с. 32); *добрый смех над самим собой* (с. 38); *экой чёртушко* (с. 48); *энергически воскликнул* (с. 51); *чудак* (с. 53); *агитатор искренний и бесстрашный* (с. 49); *пропагандист* (с. 79); *он – добрый человек* (с. 71); *свистал то соловьём, то иволгой* (с. 68); *страдающий приятель* (с. 74); *толковали по поводу странностей Василия Петровича; оригинал* (с. 38); *Стоя рыцарем печального образа перед горящею сосной, он казался мне шутком* (с. 74); *Бедная это голова! Теперь она уже была покойна* (с. 95).

*Голос друга рассказчика, Челновского: я тебе зверя покажу* (с. 36); *новый Диоген, – всё людей евангельских ищет* (с. 38); *был бы добрым попом – отличное дело бы сделал* (с. 50); *шутина ты этакой* (с. 38); *эко шут*

<sup>1</sup> Елистратов В. С. Словарь сказа Н. С. Лескова «Левша» // Русский язык в школе и дома. 2017. № 5. С. 6–10; № 6. С. 6–8; № 7. С. 10–12; № 8. С. 5–8.

<sup>2</sup> Цит. по: Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1956. С. 31–95.

какой (с. 36); сильней чёрта (с. 39); милый зверь (с. 37); экое у него сострадание-то мудрёное (с. 51).

Оставляя за бортом описания подробный анализ семантической структуры лексических атрибутивов в «голосе рассказчика», продемонстрируем лингвокультурное содержание образа Овцебыка, отражающее совокупность наиболее значимых аксиологических лингвокультурем (в нашей терминологии – аксиологем), построенных на концептуальном содержании знаковых для русского этноса понятий: «сила», «ум», «доброта», «странность», «жертвенность», «страдание», «зооморфность». Это содержание реализуют архисемы всех приведённых многослойных лексем прагматического и коннотативного характера и немногочисленных паремий, в совокупности входящих в аксиологическую модель персонажа (Овцебыка) и, опосредованно, в концепт-аксиологему образа писателя Н. С. Лескова.

**Парадигма оценочных знаков как «голос» со-работников (условно):** послушники, монахи, купцы, однодворцы-предприниматели (бывшие крепостные), работники-народ (бондари, лесники и др.): *Вы – жилец могил (с. 46); вы – упырь (с. 46) (барышни, учитель); тут у меня один бедак живёт (с. 65); блажной он, брат. Ух, какой блажной! ... блажь его одолела, он теперь как нестоящий; всеми порядками недоволен (с. 71) (отец Прохор); что за зверя такого завёз? непонятный какой-то...; да совсем блажной какой-то (с. 83)! ни барин, ни крестьянин, да и ни на что никуда не годящийся (с. 84); брыкается, чудит; пренебрегает (с. 85); чудака-то ваш какую-то штуку отколол? – повесился; сказнил себя (с. 91); вот тебе и всё: был человек, как его и не было (с. 95) (Свиридов); отличный ваш Овцебык (с. 83); Квазимодо – Овцебык (с. 89) (в контексте 'на свете таких людей не бывает, каких нельзя любить') (Настасья Петровна); «коего духа овцебык» (с. 79); загадка для ребят, рубивших лес, предмет толков (с. 88), ничего живёт; какая от него работа; а здоровый он; ничего будто (с. 87) (любили его); смешно сдела-*

*ет; он, известно, дурашен (с. 88); на доброту сворачивает и против богатства складно говорит; про божество – да вдруг про господ; «гречкосеями» называет и в принцев и попов толстопузых шарахает: всё и сравняется. Куча станет; отставной комедиант (с. 87–88); человек какой-то удавился (с. 91), сердечный, уж очерствел, ещё с вечера повесился (с. 93). Ему гнить, а Вам жить, батюшка Ликсандра Иванович (с. 95) (крестьянин).*

Интенции глубоко спрятанного внутреннего оценочного отношения «голосов» людей различных взглядов на человека, жизнь, общество – критиков, ценителей, зевак, товарищей, соседей, «работодателей» – реализуются в амбивалентности оценки и эмоции, которые, выражаясь образно, поддерживают аксиологический каркас в «строительстве» уникального аксиологического портрета самого Н. С. Лескова. «Сокрытие личности автора», как бы «приглушение» её яркой образности рождается тем, что писатель говорит с читателем «чужими словами». В аксиологической модели образа Овцебыка, реализуемой полифонией голосов, усиливается субъективность как основной компонент оценочной семантики. Отражая шкалу оценок: *очень хорошо – довольно хорошо – хорошо, нормально, средне – плохо – довольно плохо – очень плохо* во взаимодействии со шкалой эмоций *восхищение – радость – удовольствие, удовлетворение, неудовольствие – гнев – возмущение*, «голоса» ценителей несут в себе особые культурные смыслы, интуитивные предчувствия великого писателя о грядущем изменении мира, о сумасбродстве революционной мечты, о культурном коде русского этноса (по шкале оценок *богатство, старшинство – «очень плохо», «возмущение»*), о поиске справедливости и равенства как несбыточной мысли-мечты, ведущей к трагическому концу (*удавился, очерствел, повесился*). Языковой гений Лескова находит слово **блажь (блажной)**, в котором сосредоточены

– совокупность культурных концептов, раскрывающих образ героя;

– многомерность смыслов как отражение палитры чужих «голосов», оценивающих героя;

– семантическое богатство и образность амбивалентной оценки – сочетание «хорошего» и «плохого», «удовольствия» и «неудовольствия»;

– возможная «разгадка» положительного героя, детерминированная этимологической трансформацией слова *блажь* от праславянского *благо* ('добро') – к старославянскому *блазнь* и древнерусскому *блазнь* ('соблазн, искушение').<sup>1</sup>

Лингвокультурема *блажь* и её дериваты *блажной* – *блажить* отличается многомерностью смыслов, реализуемых семантической структурой слова и особенно детально представленных в лексикографии у В. И. Даля: «блажь, ж. дурь; шаль, дурость; упорство, упрямство, своенравие; юродство; притворная дурь; временное помешательство, сумасбродство; мечты, бред, грёзы на яву; вздор, нелепость, чепуха; несбыточные мысли, желания; блажной – полоумный, шальной, взбалмошный; глупый, безтолковый, сбреховатый, вспылчивый, горячий, крикливый. суетливый; безпокойный, неугомный, своенравный, шаловливый». <sup>2</sup> Позволим себе отметить сужение семантической палитры лексем *блажь*, *блажной* в современном языке, несущее не только однозначность – «нелепая причуда, дурь», «взбалмошный, неуравновешенный, сумасбродный», но и стилистические пометы – «фазг.», «прост.». <sup>3</sup>

Восемь значений этого оценочного имени – «сильной» прагмемы (в современной терминологии – восемь семем) и три значения оценочного прилагательного придают им особый характер логоэпистемы (термин Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомарова [15]), которая способна «накидывать сетку» своего влияния на значения этого культурного феномена, реализованного многими

героями русской классики. Семы в составе семем демонстрируют особую градацию – «положительное» *упорство* располагается рядом с «отрицательными» – *упрямством* и *своенравием*; *мечта* – рядом с *бредом*, *желания* рядом с *несбыточными мыслями*, а семы внутри отрицательной семемы синонимизированы «логическим кругом», т. е. передают один признак через другой: *дурь* – *глупость*, *блажь*, *шаль*<sup>4</sup>, *дурость* – *дурь*, *глупость*, *безрассудность*; *шаль* – *дурь*, *взбалмошность* или *блажь*<sup>5</sup>. Такая же семантическая картина в отрицательной семеме *вздор* (*споры*, *нелепость*, *несогласие*, *бессмыслица*, *ложь*); *чепуха* (*вздор*, *бессмыслица*, *нелепость*).

Лингвистический анализ оценочных «голосов» в их полифонии демонстрирует связи между лексемами-характеристиками героя и лингвокультуремой *блажь* в коммуникативном пространстве рассказа: *упырь* – ('перевёртыш'), *помешательство*, *'сумасбродство'*, *юродство* (*непонятный*, *недовольный*, *нестоящий*, *чудит*, *пренебрегает*) – '*своенравие*', '*упрямство*', '*безрассудство*', '*дурость*', '*сумасбродство*', '*нелепость*'; *новый Диоген*, *здоровый он*, *любят его*, *жертвенность*; *доброта* – '*мечты*', '*грёзы наяву*', '*упорство*', '*упрямство*'; *шут* – *шутство*, *смешно* *делает*; *комедиант* – '*юродство*', '*притворная дурь*'; *ничего живёт*, *сильный*, *на доброту сворачивает* и *против богатства говорит* – '*мечты*', '*упорство*', '*желания*', '*несбыточные мысли*'; *бедак*, *какая от него работа*, *дурашен*, *повесился*, *удавился*, *ему гнить* – '*шаль*', '*вздор*', '*упрямство*', '*временное помешательство*', '*сумасбродство*', '*нелепость*'. Обозначенные связи свидетельствуют о том, что «Овцебык уже наделён чертами "лесковского" героя, человека своеобразного, странного, чем-то привлекательного, понимающего страдания народа, в какой-то степени понятного ему, но и далёкого от него» [10, с. 5].

Архисемы *отрицательного* – «упрямство» ('своенравие, дурость') и *поло-*

<sup>1</sup> Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. С. 171.

<sup>2</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. С. 95.

<sup>3</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 50.

<sup>4</sup> Там же. С. 502.

<sup>5</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1989. С. 619.

**жителя** – «упорство» (последовательность и твёрдость в достижении цели – ‘мечты’) – отражают общие признаки аксиологом, «скрепляют» их в процессе коммуникации автора и читателя, загадывают и разгадывают новые загадки отношения к герою – Овцебыку, выражают своей неоднородностью богатейшую гамму неоднозначных чувств писателя по отношению к герою его художественного мира.

Коррелируя друг с другом, эти семы и их отражение на шкале оценки способны интерпретировать семемы в словарном составе лесковской лексики, внося в него коннотативные и прагматические изменения для характеристики «лесковского героя». Лингвокультурный аспект этих изменений изучает «жизнь знаков в рамках жизни общества» [16, с. 54–55]. По аналогии с замечанием В. В. Леденёвой о «предикатном конвое» [17, с. 128–134], обнаруживаем в вышеприведённых парадигмах полифонических «голосов» *атрибутивный конвой*, особенно характерный для «голоса» персонажа.

### Парадигма оценочных знаков как «голос» персонажа

Лингвистический анализ показывает, что в аксиологическую модель объекта оценки – героя-персонажа – входят не только самооценки, но и знаки субъективного оценивания, т. е. голос персонажа отличается объектно-субъектным характером, неся в себе модальность самооценки и модальность взгляда на мир. Лексемы-предикаты положительной или отрицательной оценки, избираемые оценивающим объектом для реализации своего мнения, одновременно несут информацию о его внутреннем мире, предпочтениях и свойствах.

#### «Голос» персонажа:

(о себе) а я кутейник Василий Богословский (с. 36); меня ведь обидеть нельзя (с. 41); я, брат, памятливы (с. 51); у меня, брат, всё простое, мужицкое (с. 51) (о сострадании); «Сердце моё не терпит

этой цивилизации, этой нобилизации, этой стерворизации» (с. 49); Тут моё житьё постылое... (с. 85); Никто меня не признаёт своим (с. 86);

(о других) соусники (с. 37) (о хозяине дома); чужой опыт – пустое дело (с. 38); вы – сильнее чёрта; одна баба только злей чёрта (с. 39); дворянин, то есть бесстыжая шельма (с. 40); стихи – всё дребедень; женщины – все дрянь, жиды паршивые (с. 50); Эх вы, умники! Посмотришь на вас, будто и в самом деле вы что знаете, а вы ничего не знаете; Дальше своего дворянского носа вам ничего не видать (с. 51); эх, язычники! фарисеи проклятые! (с. 52) (о писателях, рассказчиках); вы бы в моей шкуре жили с людьми... (с. 51); людие мои! что бы я вам не отдал; вы жидки на густое дело; не брешите никогда на ветер (с. 53); «мы свои своим, и свои нас познают» (с. 53); раскольники, буквоеды... (с. 75) байбаки дурацкие, индюки проклятые (с. 77); «купец – загребущая лапа» (с. 92) (о Свиридове); До него (Александра Ивановича) все дораста хотят, а что он такое за суть, сей муж кармана? Везде всё одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь (с. 85).

Наивное и упрямое стремление изменить действительность, защита «своих», т. е. бедняков, характеристика которых осуществлена в его устах особенным архаическим *людие* и за которых отдал бы жизнь, выражается в агрессивной оценке врагов – богачей, дворян-тунеядцев, монахов, раскольников, разбогатевших крестьян, которые ему же дают работу. Оскорбительная оценка «голоса» персонажа отличается средоточием «сильных» прагмем с конфликтогенным содержанием благодаря повторяющимся семам ‘зло’, ‘враг’, ‘чуть’, ‘чепуха’, ‘вздор’, объединяемым архисемой ‘плохо’ с абстрактным содержанием. Агитация против богачей и на богомолье, и в лесах отличается нечёткостью («смутные дни настают», «придут лжепророки»), непоследовательностью мысли («всё людей евангельских ищет»), бездоказательностью идеи о «плохих» богачих, за которую рабочие («гречкосеи», в

определении Овцебыка) считают его *шут* и *комедиантом*.

Мотивы одиночества, подчеркнутого самооценкой «отдельности» от общества – «у меня всё простое», «не признают своим», «Овцебыком прозвали», «жизнь моё постылое» – вызывают обострённое чувство жалости к сердцу, которое не находит себя в новых условиях жизни – «цивилизации и нобилизации»; «голос» героя припечатывает окружающий мир лесковизмом «стерванизация», в котором можно обнаружить два культурных слоя – производящую основу «стерва» с семантикой ‘подлый человек, негодяй’ (*бран., прост.*)<sup>1</sup> и этимологию слова *стерво* – ‘падаль, мертвечина, дохлятина’.<sup>2</sup> Объединение в однородном ряду слов с семами ‘развитие’ – ‘промышленность’ (Нобель как швейцарский промышленник в России) и ‘упадок’ ещё раз подчёркивает **протестный внутренний мир лесковского героя**, с упорством ищущего «евангельских» людей через противоречие с окружающим миром; демонстрирует, что «яд речи, необходимый сатирику, черпается им из элементов распада речи, из выразительных, причудливых словечек, не укладывающихся в организме языка» [2, с. 339].

Полифония голосов ценителей и голоса персонажа раскрывает «загадку» лесковского героя во всей противоречивости оценочной прагматики художественного пространства рассказа, демонстрируемой взаимодействием и взаимопроникновением смыслов *лингвокультурем* и *аксиологем*. Оригинальная аксиологическая модель героя – *способность отдать душу за своих – свои – евангельские люди – агитировать их против несправедливости (богатых) (блажь) – понимать тщетность своей мечты и цели* – воплощается лингвокультурологическим содержанием слов «упорство» и «упрямство», «блажной» и «чудак», «вера» и «неуверенность», «рыцарь

печального образа» и «шут» (Квазимодо) как амбивалентного аксиологического содержания модели.

### Архетип, миф и стереотип в аксиологической модели образа

Национально-культурная маркированность аксиологической модели позволяет предположить в герое рассказа Лескова «Овцебык» архетип **искателя**, тоскующего по раю, ищущего лучшей доли для других. В этом поиске главным становится символ *дороги* – поиск «кондиции» (работы; от франц. ‘уговор, условие, сделка’<sup>3</sup>); поиск «понимающих» («своих») людей, поиск своего места в жизни (*Разрешил я себе «Русь, куда стремишься ты?» ... я отсюда не пойду. Некуда идти. Везде одно и то же* (с. 85)). Пространственный мир *дороги* персонажа то **широк** («где побывал – отсюда не видать» (с. 36); «дошёл до Казани, отломав более тысячи вёрст» (с. 33), «пойду, братцы, далеко» (с. 48); в «пермские палестины» (с. 49), «В Курск пошёл» (с. 42), «богомолье» (с. 60), «пустынь» (с. 54)), то **узок**: «уходил или в поле или на кладбище. На кладбище он бывал всякий день» (с. 45). Отсюда две лингвокультурные характеристики несут эмоциональную оценку пространственного мира и символа *дороги*: устойчивый оборот *Был иже везде и нигде и ему в самом деле всё равно, сколько вёрст пройти и кому дать затрещину, если, по его соображениям, эту затрещину дать следует* (с. 42) (о походе в Курск, до которого вёрст *Сто семьдесят; да хоть бы и тысяча семьсот, так это всё равно* (с. 42)). Оценочные эмоции безразличия к величине пути и его топонимике детерминируют лингвокультуремы «**странный**» (странности человеческие), «**чудак**» и даже «**блажной**» в облике героя, воспринимающего мир, мыслящего и чувствующего, как архетип *искателя*, особенно характерного для русской национальной специфики: *искать дорогу и искать в дороге* – формально-се-

<sup>1</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник. 1998. С. 766.

<sup>2</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1989. С. 323.

<sup>3</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1989. С. 150.

мантическая лингвокультура лесковско-го героя.

В русском культурном пространстве *путь-дорога* обладает мифической силой выбора, который для «упорного» в своей наивности Овцебыка становится *трагическим*, и к этому трагизму ведёт его оценка «как мостик» мышления. Объекты его оценки – «богатые» и «разбогатевшие», «свои» и «чужие» – попадают на концы шкалы эмоции и оценки: *лжепророки, язычники, «жидки на густое дело», «не брешите на ветер»* и др.

*Дорога* на пути наивного, но упорного Овцебыка становится символом разочарования в «возлюбленных» им людях (*людие мои, что бы я вам не отдал*) и поражения от «врага народного», который хуже «чужеземцев и разбойников», но «питает от крупниц своих перекатную голь...» (с. 86). Овцебык страдает от того, что его работодатель Александр Иванович Свиридов положительно оценён угнетёнными людьми («*Сей вот самый христианин нашему нраву под стать*», «*ибо он излюбленный их*»), и здесь дорога превращается в «камень противоречия», в символ предвидения трагического конца: *Александр Иванов (богатый из русских) мне во всем на дороге стоял... Я уступлю ему дорогу, ибо он излюбленный их* (с. 86). Устойчивая, реализующая ментальность нации, фразеологическая оценка антонимическим оборотом «на дороге стоять» («мешать, быть препятствием»)¹ – «уступить дорогу» («предоставлять возможность добиться чего-л., продвинуться в чём-л. прежде себя»)² – одна из *прогностических вершин лесковского языка*, которым он полемизирует с революционными демократами и предсказывает беспочвенность борьбы «новых людей» с несправедливостями жизни, как бы прогнозирует этими лингвокультурами трагический финал любого революционного развития.

¹ Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1978. С. 144.

² Там же. С. 499.

Ценностные ориентиры персонажа, данные в его аксиологической модели, его *архетип* и его *символ* обращают исследователя к специфике *стереотипа героя*, созданного уникальным художником слова, оставшимся вне системы – «как что-то оригинальное, но слишком причудливое» [12, с. 330].

Парадоксальность русской языковой культурной картины мира, реализуемая столкновением положительных и отрицательных оценок в тесноте единой языковой единицы (досрочно сочтём её лингвокультуремой), начинается с клички героя рассказа, которая появилась до замысла рассказчика, и в пространстве текста занимает существенное место: не комментируя в данном фрагменте описанные выше оценки героя (чужак, шут, оригинал и т. д.), назовём количественное соотношение клички *Овцебык* и имени героя – *Василий Петрович Богословский*.

В пространстве лингвокультурологического словаря расположена информация о составных частях, производящих слово *Овцебык*. Они в определённой мере отражают энциклопедическое содержание имени-клички: '(мускусный бык), парнокопытное животное семейства полорогих. Длина тела до 2,5 м, весит до 300 кг. Малочислен, находится под охраной, живёт в Гренландии и островах Канадского арктического архипелага.'³

Необычность, оригинальность качественных характеристик отражается и в мифологическом, и в стереотипном содержании лексем «бык» и «овца». Первая – *бык* – представляет древнейший мифологический образ особо почитаемого и жертвенного крупного животного, воплощение и мужского начала; стереотип силы и здоровья (*здоров как бык*); упрямства (*упёрся как бык*), неуправляемости в ярости (*разъярённый как бык*), опасности.⁴ Вторая – *овца* – не имеет мифологического ореола, но связано со словом *пастырь*; сте-

³ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 926.

⁴ Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М.: Гнозис, 2004. С. 59–60.

реотип боязливости, кротости, покорности судьбе, беспомощности, безобидности, иногда глупости, лёгкой добычи. Все смыслы стереотипа реализуются аксиологическими лингвокультурами образа персонажа, представленными и описанными выше: приведём только несколько примеров: «здоровый ум, воля и решительность», «сильный», «жертвенность», «беззаботливость о себе», «милая зверь», «кафрский череп»; «мне всё равно, как ни зовите её», «питается травой, а при недостатке её может есть лишаи» (ироническая оценка Челновского).

При описании стереотипа как культурной составляющей героя подчеркнём также некоторые элементы портрета, нарисованные гениальной рукой художника слова: «тёмно-каштановые волосы шли двумя длинными и густыми косицами», которые «лежали свёрнутыми валиками на его висках», «на щеках загинались как рога того животного, в честь которого он получил свою кличку» (с. 31). Отметим также то, что кличка признавалась и самим героем (*не берут на работу... оттого что... Ты – Овцебык ... да, Овцебык, пожалуй... Мне всё равно, как ни зовите...* (с. 36)), и его ценителями (*Ты Овцебык есть, так тебе Овцебыком и быть* (с. 36)), распространяя стереотип на всё культурное пространство текста рассказа и филигранно коррелируя с аксиологическими лингвокультурами. Реализующие стереотип зооморфные образы формируют национально обусловленные ассоциации персонажа, которые, с одной стороны, «включают» его в полифонию «голосов», с другой, – делают образ «лесковского героя» оригинальным, исключительным благодаря уникальному объединению разных стереотипов – «силы» и «слабости», «женского» и «мужского», «нежного» и «твёрдого» – и включению архетипа «искателя» с аксиологическими «упорство» и «упрямство» в культурном контексте времени и аксиологической модели героя: «бедных» трудно сагитировать против «богатых», «лесковскому герою» больше «Некуда идти» и не во что «верить». Восприятие героем

окружающего мира через мысли Платона, в том числе «Ближайшая к природе власть есть власть сильного» (с. 95), приводит Овцебыка к эмоциональной самооценке высокого накала: *Васька глупец! Зачем ты не поп? зачем ты обрезал крылья у слова своего?* (с. 94). И ответ на эти риторические вопросы – разочарование в своей правде и вере, которую нёс бедным: *Я тать, и что дальше пойду, то больше сворую* (с. 94). Эмоционально сильные прагмемы-агенты *глупец* (интеллектуальная оценка) и *тать* (морально-нравственная оценка) предопределяют горемычный конец «бедной головы» «без предсмертной мысли добровольного мученика», тем более печальной, что самоубийство через повешение несёт в себе негативную оценку в русском культурном пространстве. Тем страшнее в культурном пространстве лесковского текста внешне нейтральная оценка, данная «бедному» «богатым»: «*был человек, как его и не было*» (с. 95). В художественном пространстве рассказа «Лесков объективно показывает инертность среды, ещё не готовой к восприятию революционных идей, самоотверженность, доходящую до самоотречения, и жертвенность представителей нового поколения людей, которым, по его мнению, некуда идти» [10, с. 5].

Герою рассказа «Овцебык» вторит герой рассказа «Однодум», архетип праведника, первого в цикле «О русских праведниках» (1879). Его лингвокультурный портрет по форме и содержанию языковых средств отражает аксиологическую модель героя рассказа «Овцебык» в контексте времени, прототипического образа и становления мировоззрения писателя. Приведём парадигму лингвокультурем, оценивающих образ Однодума (Александра Афанасьевича Рыжова): *чудак – загадочный чудак* (с. 223)<sup>1</sup>, *библейский чудак* (с. 224), *библейский муж, повреждённый от библии* (с. 225), *полицейский философ* (с. 226), *такой-некий-этакой* (с. 225). Семантика уличной клички героя – «о человеке, мысли которого постоянно сосредоточены на чём-то

<sup>1</sup> Цит. по: Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1957. С. 211–243.

одном»<sup>1</sup> раскрывает природу аксиологемы внутренней семьей «слишком», которая находит своё наибольшее воплощение в местоимённом символе *такой-некий-этакой*. Специфика русского местоимения, своей субъективностью (А. М. Пешковский [18], А. А. Реформатский [19]) формирующего оценочные смыслы «загадочного политического образа мыслей» человека, которому носить ордена было не на чём (с. 242). Точкой пересечения с образом Овцебыка является также **поиск идеи** в лесах и на болоте, где он сам делался полу-мистиком, полу-агитатором в библейском духе; дождался духа, давшего ему мысль самому сделаться крепким, дабы устыдить крепчайших (с. 215–216).

Проведённый лингвокультурный анализ образа Овцебыка высветил такое количество граней личности героя и специфики её существования в общественном контексте, что позволил только пунктирно наметить уникальные черты и их языковое воплощение в образе Однодума, демонстрирующего новый виток в языковой картине мира «самого русского» из всех русских писателей Н. С. Лескова. Продолжение исследования лингвокультурного содержания этого образа – в следующей статье.

### Заключение

Художественный мир Николая Семёновича Лескова загадочен и безграничен. Глубокое и глубинное знание сущност-

ных проблем русской жизни, наблюдение острым глазом за российской многонациональной цивилизацией, ощущение всех противоречий и парадоксов личности в её портрете и поведении определяют лингвокультурное содержание творчества писателя, опирающегося на национальные традиции и культурные ценности. Их формирование, изменение и неизменность, влияние идей мировой философии и «книги книг» Библии определяют писателя как особенный **лингвокультурный концепт** в его аксиологическом контексте, отражающем духовные ценности русского народа и, главное, будущее этого народа, соотносимое с вековечным и непреходящим благодаря лингвокультурному содержанию уникальных героев, их аксиологическому портрету, архетипам, стереотипам и символам. Поэтому так перспективно описывать с лингвокультурной точки зрения «нераскрученных» героев – *Овцебыка, Однодума, Старого гения, Зверя, Азу*. В них открывается «мимотекущий лик земной» и обнажаются глубинные смыслы писательского Я. «Художественный филологизм» [12, с. 327] Лескова, беспрецедентная связь и обдуманность слов с их этимологией и семантикой, фраз с их оригинальными акцентами наполняют культурный путь читателя изысканной глубиной и желанием найти истину о феномене русского человека, его культурного кода, его роли в мировой цивилизации.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьёв В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 395 с.
2. Меньшиков М. О. Критические очерки: в 2 т. Т. 1. СПб.: тип. М. Меркушева, 1899. 404 с.
3. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова: средства номинации и предикации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 49 с.
4. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология сегодня: важнейшие проблемы и пути их решения // Лингвокультурологические чтения: сборник статей Международной научно-практической конференции, проведённой в рамках I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление». (Москва, 19–20 октября 2023 г.). М.: Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 2024. С. 30–36.

<sup>1</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. 446 с.

6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки (на материале португальского языка). М.: Наука, 1985. 228 с.
7. Карасик В. И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // *Philologica*. 1994. № 3. С. 2–7.
8. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Институт современного искусства, 2019. 232 с.
9. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Постатор, 2022. 462 с.
10. Крупчанов Л. М. Жажда Света (О Н. С. Лескове) // Н. С. Лесков. Повести и рассказы. М.: Правда, 1981. С. 5–18.
11. Горелов А. А. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988. 97 с.
12. Эйхенбаум Б. М. Чрезмерный писатель // О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 327–345.
13. Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Государственный университет просвещения, 2024. 204 с.
14. Маркелова Т. В. Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10. № 3. С. 581–592. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592.
15. Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб.: Златоуст, 2001. 72 с.
16. Сосюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 694 с.
17. Леденёва В. В. Предикатный «конвой» в персонажной зоне повести «Островитяне» Н. С. Лескова // *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти д. филол. н., профессора Войловой К. А. (Москва, 25 февраля 2019 г.)*. М.: Московский государственный областной университет, 2019. С. 128–134.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
19. Реформатский А. А. Введение в языковедение. 6-е изд. М.: Аспект Пресс, 2004. 536 с.

#### REFERENCES

1. Vorobyov, V. V. (1996). *Theoretical and Applied Aspects of Linguocultural Studies*: [dissertation]. Moscow, 1996 (in Russ.).
2. Menshikov, M. O. (1899). *Critical Essays. Vol. 1*. St. Petersburg: M. Merkushev's publ., 1899 (in Russ.).
3. Ledeneva, V. V. *Features of N. S. Leskov's Idiolect: Means of Nomination and Predication*: [dissertation]. Moscow, 2000. (in Russ.).
4. Wolf, E. M. (1988). Metaphor and Evaluation. In: *Metaphor in Language and Text*. Moscow: Nauka publ. pp. 52–65 (in Russ.).
5. Maslova, V. A. (2024). Linguistics Today: Key Problems and Solutions. In: *Linguistics Readings: A Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference Held as Part of the First International Linguistics Forum "Linguistics and Communicative Reality of the 21st Century: New Challenges and New Understanding" (Moscow, October 19–20, 2023)*. Moscow: RUDN University publ., pp. 30–36 (in Russ.).
6. Wolf, E. M. (1985). *Functional Semantics of Evaluation (Based on the Portuguese Language)*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
7. Karasik, V. I. (1994). Evaluative Motivation, Person Status, and Vocubular Personality. In: *Philologica*, 3, 2–7 (in Russ.).
8. Markelova, T. V. & Petrushina, M. V. (2019). *Evaluative Statements in the Communicative Space of the Russian Language*. Moscow: Institute of Modern Art publ. (in Russ.).
9. Ledeneva, V. V. (2022). *Features of N. S. Leskov's Idiolect*. Moscow: Postator publ. (in Russ.).
10. Krupchanov, L. M. (1981). Thirst for Light (About N. S. Leskov). In: *N. S. Leskov. Novels and Stories*. Moscow: Pravda publ., pp. 5–18 (in Russ.).
11. Gorelov, A. A. (1988). *Leskov and Folk Culture*. Leningrad: Nauka publ. (in Russ.).
12. Eikhenbaum, B. M. (1969). Excessive Writer. In: *On Prose*. Leningrad: Khudozhestvennaya literature publ., pp. 327–345 (in Russ.).
13. Shapovalova, T. E., ed. (2024). *Nomination and Predication in Modern Russian*. Moscow: Federal State

- University of Education publ. (in Russ.).
14. Markelova, T. V. (2019). The Pragmeme Sign as a Semiotic Dominant of an Axiological Field. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 581–592. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592 (in Russ.).
  15. Burvikova, N. D. & Kostomarov, V. G. (2001). *Old Wineskins and Young Wine. From Observations on Russian Word Usage at the End of the 20<sup>th</sup> Century*. St. Petersburg: Zlatoust publ. (in Russ.).
  16. Saussure, F. (1977). *Works on Linguistics*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).
  17. Ledeneva, V. V. (2019). “Convoy” of Predicates in the Character Description of N. S. Leskov’s “The Islanders.” In: *Russian Language in Slavic Intercultural Communication: A Collection of Scientific Papers from the Results of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Philological Sciences, Prof. K. A. Voylova (Moscow, February 25, 2019)*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 128–134 (in Russ.).
  18. Peshkovsky, A. M. (1956). *Russian Syntax in Scientific Interpretation*. Moscow: Uchpedgiz publ. (in Russ.).
  19. Reformatsky, A. A. (2004). *Introduction to Linguistics*. Moscow: Aspect Press publ. (in Russ.).

---

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

*Маркелова Татьяна Викторовна* (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, первый проректор-проректор по учебной работе, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Института современного искусства;  
e-mail: tvmarkelova@mail.ru

*Петрушина Мария Владимировна* (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент Института современного искусства;  
e-mail: mpetrushina@mail.ru

### INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

*Tatyana V. Markelova* (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., First Vice-Rector and Vice-Rector for Academic Affairs, Prof., Department of Journalism and Mass Communications, Institute of Modern Art;  
e-mail: tvmarkelova@mail.ru

*Maria V. Petrushina* (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Institute of Modern Art;  
e-mail: mpetrushina@mail.ru